

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ).

Октябрь 15.

№ 20.

1891 года.

С Л О В О

О М И Р Ъ (*).

Миръ вамъ!

По принятому обычаю въ общественной жизни, наше привѣтствіе выражается пожеланіемъ здоровья, благополучія, успѣха въ дѣлахъ,—вообще счастья, разумья подь этимъ именемъ преимущественно внѣшнее благосостояніе. И при этомъ рѣдко, рѣдко обращается вниманіе на душевное состояніе; выходитъ,—какъ будто человѣкъ живетъ одною только видимою, чувственною жизнью, и отъ нея только зависитъ счастье или несчастіе его. Исключенія изъ этого обычнаго привѣтствія можно иногда видѣть только у нѣкоторыхъ благочестивыхъ лицъ, или у благоразумныхъ родителей въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ; только здѣсь считаютъ пужнымъ справляться съ душевнымъ состояніемъ привѣтствуемыхъ, входятъ въ разсужденіе о немъ и затѣмъ или радоваться ему, или выразить молитвенное пожеланіе возвышенія и улучшенія его.

Но Господь нашъ Іисусъ Христосъ какъ Самъ привѣтствовалъ своихъ учениковъ *миромъ*, такъ и имъ заповѣдалъ привѣтствовать другихъ желаніемъ мира. Миромъ благословляемъ Господь Своихъ учениковъ при прощаніи съ ними, го-

(*) Слово это произнесено при вступленіи на новое мѣсто служенія
Е. П.

товясь вкусить добровольную крестную смерть; привѣтствіемъ мира Онъ встрѣчалъ ихъ и послѣ Своего воскресенія. А посылая ихъ еще ранѣе на проповѣдь Своего божественнаго ученія, Онъ далъ имъ такое наставленіе: „Въ какой бы городѣ, или селеніи ни вошли вы, входя въ домъ, привѣтствуйте, говоря: миръ дому сему“ (Іоанна XIV. 27, XX. 19, 21 Мат. X. 11, 12). И кто изъ людей, понимающихъ истинное наше счастье, не знаетъ, что миръ есть высшее и самое возжелѣнное благо для насъ; онъ составляетъ основаніе и вмѣстѣ совокупность всѣхъ признаковъ, которыми обыкновенно опредѣляется счастливая жизнь. Можетъ-ли человѣкъ наслаждаться здоровьемъ, когда нѣтъ у него душевнаго спокойствія? Не замѣчали-ли мы за другими, да не испытали-ли и на самихъ себѣ, что даже самая жизнь становится въ тягость, когда сильно тревожатъ и мучатъ нашу душу назойливыя заботы, прискорбныя неудачи, горькія потери, оскорбленія человѣческой неправды, или овладѣваетъ ею какая либо другая, ничѣмъ не разгоняемая и неотвратимая печаль? Какое удовольствіе могутъ доставить намъ честь, слава, богатство и во всѣхъ отношеніяхъ благопріятная обстановка жизни, когда сердце томится тоскою, носитъ въ себѣ затаенную грусть и черезъ это оказывается не только не воспримчивымъ къ утѣшеніямъ и радостямъ, но даже пренебрегающимъ ими, или отталкивающимъ ихъ? Всѣ блага и красоты міра для сердець, удрученныхъ тоскою и скорбями, не то-ли-же представляютъ, что для страждущихъ болѣзнями желудка самыя цѣнныя и пріятныя яства?... Нужно-ли приводить историческія свидѣтельства, что никакая блестящая слава, никакое земное могущество и никакія роскошныя удовольствія не даютъ истиннаго счастья человѣку, когда внутри его нѣтъ душевнаго мира, отъ котораго оно зависить всецѣло? Но этихъ свидѣтельствъ такъ много, что если-бы мы занялись подробнымъ выясненіемъ настоящаго вопроса, то должно-бы воспроизвести въ своемъ воспоминаніи почти всѣхъ извѣстныхъ исторіи людей, возбуж-

давшихъ въ свое время величіемъ, блестящею роскошью и мірскою силою тѣ удивленіе, тѣ громкую похвалу и славу, тѣ соревнованіе и зависть. И не обинуясь можно сказать, что всѣ они на вопросъ о значеніи личн.хъ видимыхъ преимуществъ и земныхъ отличій дружнымъ голосомъ повторили-бы отзывъ мудрѣйшаго изъ смертныхъ царя Соломона: „*Все сіе суета и крушеніе духа*“. Увы! самая мудрость человѣческая—это наилучшее и благороднѣйшее украшеніе нашей природы.—не можетъ успокоить и обсчастливить своихъ поклонниковъ и любимцевъ. Напротивъ, какую жалобу выразилъ на сей разъ богомудрый царь,—ту-же послѣ, да и теперь можно услышать отъ безчисленнаго сонма ученыхъ: „*Во многой мудрости много печали и кто умножаетъ познанія, умножаетъ и скорбь*“ (Еклез. 1, 12). Въ виду всего сказаннаго естественно возникаетъ такой вопросъ: да возможенъ ли для насъ этотъ душевный миръ, если имъ не наслаждались, повидимому, самые первые счастливцы на землѣ? Не есть ли онъ одно только мечтательное благо, хотя и вождельное? А если такъ, если—онъ не осуществляется, то зачѣмъ и прिवѣтствовать имъ?... Но внемлемъ словамъ чудной пѣсни, которою огласилъ Виолеемскія поля многочисленный, великолѣпный хоръ небожителей: „*Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе*“ (Лук. 11, 14). Эта чудная пѣснь раздалась на землѣ тогда, когда весь міръ со всѣми избранными любимцами и счастливцами его былъ погруженъ въ глубокой сонъ какъ чувственною, такъ и духовною природою. Ей съ восторгомъ внимали одни только болѣе бдительные изъ людей—смиренные Виолеемскіе пастыри, которые, питая душу свою благоговѣйнымъ созерцаніемъ красотъ видимой природы и проводя жизнь вдали отъ міра, во злѣ возлежащаго (I. Иоан. V. 19), оказались болѣе способными къ воспріятію сей радостной вѣсти, чѣмъ всѣ князья вѣка сего,—гордые своею славою и человѣческою мудростью. Это многочисленное воинство небесное, славящее Бога за ниспосланіе мира землѣ, свидѣтельствовало и указывало на

то, что въ это время родился отъ Пресвятой Дѣвы Маріи *Князь мира*, или, выражаясь словами апостола, *Миръ нашъ Господь Иисусъ Христосъ* (Еф. 11, 14). Вотъ въ Комъ для людей, отягчаемыхъ уныніемъ, обуреваемыхъ мрачными сомнѣніями и душевными скорбями, житейскими заботами и страданіями открылся животворный, неизсякаемый источникъ утѣшеній и неувядаемыхъ радостей! Въ этой только *Утѣхѣ Израіля* мы можемъ обрѣсти твердый блаженный миръ, который не можетъ разрушить никакое зло на землѣ, ни даже сила адская. На эту истину указалъ Самъ Господь Иисусъ Христосъ Своимъ ученикамъ и вмѣстѣ съ ними всѣмъ послѣдователямъ Своимъ предъ крестною смертію словами: *Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ не такъ, какъ миръ даетъ, Я даю вамъ* (Іоан. XIV, 27). Что-же это за миръ, дарованный Господомъ и возвѣщенный небожителями въ бѣдныхъ и тихихъ окрестностяхъ Виллесема среди ночной темноты? Это, по слову писанія, *„миръ Божій, миръ премірный, благодатный, превосходящій всякій человѣческій умъ и едва доступный уразумѣнію чиновъ Ангельскихъ“* (1. Петр. 1, 12, Фил. IV. 7). Онъ понимается болѣе чистымъ сердцемъ, а не умомъ, хотябы широко развитымъ и высоко образованнымъ. Чтобы признать достоинство и блаженство этого мира, надобно испытать его,—имѣть его въ своемъ сердцѣ. Но едва-ли можно встрѣтить человѣка, который-бы вполне овладѣлъ и услаждался имъ. Всецѣлая и постоянная услада имъ принадлежитъ одному только небу. Намъ же земнороднымъ удѣляются только по временамъ часы и минуты его премірныхъ радостей—какъбы для того, чтобы убѣдить насъ, что онъ дѣйствительно существуетъ, чтобы мы не предавались мрачному отчаянію въ поискахъ его, а съ большими усилиями старались стяжать его. Это блаженные моменты, я думаю, нѣкоторые испытывали изъ насъ послѣ усердной молитвы, послѣ благоговѣйнаго принятія св. таинъ Тѣла и Крови Христовой, послѣ внимательнаго чтенія слова Божія и благочестивыхъ размышленій, или послѣ

какихъ либо трудныхъ и великихъ подвиговъ на поприщѣ служенія благу человѣчества, увѣнчанныхъ желанными успѣхами. О, благословенно это время! Тогда спадаютъ съ нашихъ душъ тяжелыя оковы земной печали, такъ неотступно преслѣдующей всѣхъ людей,—онѣ тогда возвышаются надъ всѣмъ дольнымъ міромъ и дѣлаются свободными отъ всякихъ назойливыхъ суетъ и печалей житейскихъ; умъ нашъ носится своими мыслями въ духовномъ царствѣ вѣчной истины, правды и любви, а своимъ сердцемъ мы какъ бы предвкушаемъ неизрѣченное блаженство, уготованное отъ Господа любящимъ Его... Стоя на высотѣ духовнаго христіанскаго міросозерцанія, мы тогда всею нашею природою восторгаемся къ Богу живому и дѣлаемся причастниками божественной жизни (Псал. 83, 3). Мы тогда чувствуемъ такую премирную радость, какую испытали ближайшіе ученики Господа Иисуса во время Его славнаго Преображенія на горѣ Ѡаворѣ и, подобно Апостолу Петру, готовы воскликнуть; *добро есть намъ здѣ быти!*.. (Лук. IX. 33).

Но это блаженное состояніе не доступно для душъ суетныхъ, сердець огрубѣлыхъ, живущихъ одними только чувственными удовольствіями и земными интересами. Оно совсѣмъ непонятно для *нечестивыхъ людей*, у которыхъ никогда не можетъ быть *истинной духовной радости*; въ возмездіе за свою преступную жизнь, они, подобно Каину, вездѣ и всегда безпокойны,—*скорбь и тѣснота унетаютъ ихъ души* (Римл. 11, 9). Этого благодатнаго радостнаго мира не можетъ знать умъ мірской или плотской; потому что онъ неспособенъ возноситься въ область духовныхъ созерцаній, которая освѣщается лучами вѣры, гдѣ открывается человѣку его высшее назначеніе, и гдѣ даетъ понимать себя Царство Божіе... Человѣкъ, непросвѣщенный свѣтомъ Божественнаго ученія и не расположенный стремиться къ нему, обыкновенно ищетъ душевнаго спокойствія и счастія въ обладаніи земными благами и мірскою силою. Онъ желаетъ укрѣпить свое общественное поло-

жепіе поддержкою и покровительствомъ князей вѣка сего, и самъ старается образовать себя и запастиъ разными знаніями и правами преимущественно для того, чтобы жить въ довольствѣ и пользоваться благоприятною свободою. Такимъ образомъ, матеріальное обезпеченіе, довольство и въ извѣстной мѣрѣ независимость отъ другихъ,—вотъ что мірекой умъ полагаетъ главными условіями душевнаго спокойствія. Но можно-ли этими средствами стяжать истинный духовный миръ? Нѣтъ; отъ нихъ только зависитъ внѣшнее спокойствіе, и то далеко не всегда. Бываютъ случаи, и они весьма не рѣдки, что когда люди веле-рѣчиво разсуждаютъ *о мирѣ и безопасности, внезапно постигаетъ ихъ пауба* (1. Сол. V 3); вечеромъ бываетъ радость и веселіе, а утромъ плачь и рыданіе. Счастіе и благосостояніе людей возвышаются и уничтожаются подобно волнамъ морскимъ, и нѣтъ еще у человѣка такой силы, мудрости и провидательности, которыя могли-бы обезпечить и утвердить ихъ на всегда. А если такъ, то и нельзя успокоиваться на нихъ своею душою. Но мы не сказали еще по сему предмету самаго главнаго: *жизнь человека, по изрѣченію Божественнаго Спасителя, не зависитъ отъ изобилія импнія ея* (Луки XII, 15). Есть душевныя скорби, и ихъ много, отъ которыхъ не можетъ избавить самое блестящее благосостояніе. „Слезы текутъ и черезъ золото“ и въ великолѣпныхъ палатахъ часто гнетутъ души міролюбцевъ грусть, тоска, скорби, и онѣ тамъ бываютъ тяжелѣе и удушливѣе, чѣмъ въ бѣдныхъ хижинахъ, потому что ради приличія нужно скрывать ихъ.

Довольство матеріальнымъ счастіемъ, какъ извѣстно, не бываетъ продолжительно, оно часто смѣняется уныніемъ и переходитъ въ мрачное духовное настроеніе. При постоянной смѣнѣ занятій,—разнообразныхъ развлеченій и удовольствій, сильные міра дѣйствительно предъ нами являются какъ-бы счастливыми. Но вотъ, когда около нихъ все затихаетъ, когда въ это время они сосредоточиваютъ вниманіе на самихъ себѣ, оцѣниваютъ трезвымъ умомъ явленія окружающаго міра,

свое положеніе въ немъ, непрочность его благъ и суетность его удовольствій, воспоминають о смерти, объ отчетъ, который должны дать Жизнодавцу Судіи Богу въ своихъ дѣлахъ, а также и дарахъ, которыми Онъ награждалъ ихъ, тогда и они предаются мрачному раздумью, сердечному безпокойству, унынію и дѣлаются *боязливыми рабами смерти* (Евр. 11. 15). А если они, чтобы сохранить душевное спокойствіе (какъ это часто и случается) избѣгаютъ разсужденій о Богѣ, загробной жизни и будущемъ мздовоздаяніи, то они уже сами себя лишаютъ права называться разумными существами, и тотъ душевный миръ, который они желаютъ основать на забвеніи этихъ священныхъ истинъ, вѣрнѣе назвать *сномъ*, услаждающимъ животныхъ среди довольства пищею и благопріятной обстановки. Такіе люди въ священномъ писаніи называются *сынами тьмы и ночи*, не живущими, а спящими духовнымъ сномъ, или, короче сказать, *духовными мертвецами*. И вотъ къ каждому изъ такихъ-то людей нужно относить воззваніе Апостола: *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ и освятитъ тя Христосъ!* (1 Сол. V, 5; Еф. V 14). Да, только во Христѣ свѣтъ, и отъ Него онъ только исходитъ для всѣхъ людей, *спящихъ во тьмѣ и снми смертныи*. Только въ *Его свѣтѣ они узрятъ свѣтъ*. Только при немъ они могутъ обрѣсти царство Божіе, въ которомъ обитаютъ *миръ и радость во Святомъ Духѣ* (Римл. X, IV; 17). Только Онъ можетъ разсѣять темное облако тревожныхъ мыслей и безпокойныхъ сомнѣній, которыя всегда угнетаютъ наши души, когда возникаютъ въ насъ вопросы о судьбѣ и цѣли человѣческой жизни на землѣ, или когда мы желаемъ проникнуть въ тайну загробной жизни. Онъ есть *Свѣтъ животный*, дающій пищу не одному только уму, но вмѣстѣ просвѣщающій и оживляющій отрадною надеждою сердце и сообщающій новую лучшую жизнь всему нашему существу. *Азъ есмь Свѣтъ, Истина и Животъ*, сказалъ о себѣ Христосъ Спаситель. Только Онъ своимъ ученіемъ и образомъ жизни, засвидѣтельствованной многими знаменіями и чудесами

неотразимой убѣдительности, открылъ намъ,—кто мы по своему существу, для чего созданы, что должны дѣлать и къ чему стремиться. Только чрезъ Иисуса Христа—Единороднаго Сына Своего Богъ Отецъ даровалъ намъ миръ и призвалъ къ нему, благословивъ насъ именоваться *чадами Божиими, братіями Христа и сонаслѣдниками Ему въ вѣчномъ блаженномъ Царствѣ* (Римл. V, 9, 10, 11. VIII, 14, 15, 16, 17, 11. Кор. V, 18—20). Только черезъ Христа и особенно воскресеніемъ Его изъ мертвыхъ Богъ Отецъ возродилъ насъ *къ упованію живому, къ наслѣдству вѣчному, неуздаемому, хранящемуся на небесахъ* (Петр. 1, 34). Кто пойметъ Евангеліе въ главныххъ его догматахъ, тотъ внесетъ успокоительный и радостный свѣтъ въ свой умъ и не будетъ блуждать во тьмѣ, располагающей обыкновенно къ унынію, къ боязливымъ представленіямъ и тревожнымъ ожиданіямъ чего-то страшнаго въ неизвѣстной будущности. Онъ узнаетъ относительно судьбы человѣческой жизни несравненно болѣе, нежели самый прославленный мудрецъ, разсуждающій о томъ же предметѣ независимо отъ слова Божія: „*Ибо помышленія смертныхъ, говоритъ одинъ древній мудрецъ, не тверды, и мысли наши ошибочны. Мы едва можемъ постигать и то, что на землѣ, и съ трудомъ понимаемъ то, что подъ руками, а что на небѣ, кто изслѣдовалъ?! И что могли-бы мы знать о волю Господа, если бы онъ не даровалъ премудрости и не ниспослалъ Святаго Духа? Только этою премудростію могутъ спастись живущіе на землѣ, исправляя свои пути, и научаясь тому, что угодно Богу*“ (Премудр. Сол. IX; 14—19).

Умиrotворяя нашъ умъ въ рѣшеніи безпокоющихъ его вопросовъ относительно судьбы и назначенія человѣческой жизни, свѣтъ Христовъ въ тоже время способствуетъ мирному и радостному настроенію нашего сердца. Мы имѣемъ постоянное стремленіе къ счастью. Люди, которыхъ Слово Божіе именуетъ „плотскими“ и „душевными“, ищутъ его въ чувственныхъ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ. Но души возвы-

шенныя—съ развитымъ нравственнымъ чувствомъ стремятся найти его въ правдѣ и спокойствіи совѣсти. И что-же? Эти чистыя и святыя стремленія остаются почти всегда не удовлетворенными. Лучшая часть человѣчества чувствуетъ и сознаетъ свое безсиліе имѣть желанный миръ въ своемъ сердцѣ и постоянно возмущается то своею нравственною немощію, то неправдою людскою и торжествомъ порока. *Нысть мира въ костяхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ*, взывалъ съ скорбію пророкъ Давидъ. Такія же тяжелыя чувства нравственнаго нестроенія испытываетъ и каждый изъ насъ, когда поставляетъ образъ своей жизни предъ судомъ Закона Божія; и эти чувства скорби о своемъ недостоинствѣ предъ Богомъ,—о своей грѣховности,—скорби самой мучительной для душъ, стремящихся къ нравственному совершенству и общенію съ Богомъ, могутъ найти себѣ облегченіе и успокоеніе только въ Евангельскомъ ученіи, благоговѣствующемъ *миръ и свидѣтельствующемъ о дарованіи Божественныхъ силъ, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3). Далѣе, человѣкъ съ благороднымъ правдивымъ сердцемъ не можетъ не предаваться печальному раздумью, когда видитъ, что *нечестивые люди уснѣвають на пути своемъ*, а добродѣтельные терпятъ униженіе, бѣдность, несутъ непосильные труды и не видятъ никакого исхода для улучшенія своей участи. Земная мудрость никогда не давала, да и не можетъ дать успокоительнаго объясненія на эти и подобныя имъ недоумѣнныя и противорѣчащія правдивому сердцу явленія въ мірѣ. Она своими разсужденіями производитъ только большую смуту въ умахъ и усиливаетъ уныніе и тоску. Но Евангеліе своимъ ученіемъ о спасительной силѣ Креста т. е. скорбей и страданій, а также о значеніи земной нашей жизни умиротворяетъ наше сердце, когда мы встрѣчаемъ разныя кажущіяся нравственныя нестроенія. У насъ небудетъ возмущаться чувство правды, когда, внимая Евангелію, мы будемъ представлять весь человѣческій міръ подъ видомъ поля, гдѣ растутъ плевелы вмѣстѣ съ пшеницею. Придетъ жатва,—и *Господиъ жат-*

вы собереть пшеницу въ житницу свою, а плевелы, которыя здѣсь, можетъ быть, воздымались выше пшеницы, затѣняли и глушили ее, отдасть на сожженіе. Намъ не будетъ терзать *горькая зависть* (Іаков. III, 14) ни къ богатству, ни къ славѣ, ни къ разнымъ отличіямъ въ общественной жизни, когда, при Евангельскомъ свѣтѣ, будемъ понимать истинную цѣну всѣхъ земныхъ благъ, а также знать и то, что *кому много дано, съ того много и взыщется*. При свѣтѣ Христовомъ богатство и мірская сила, бѣдность и угнетенная жизнь получаютъ высшій смыслъ, недоступный плотскому разуму. Ибо только подъ вліяніемъ этого свѣта, при разсужденіи о сихъ явленіяхъ, могутъ зарождаться высшія *духовныя помысленія*, вносящія радостную жизнь и *миръ въ наши сердца* (Римл. VIII, 6). Если Господь наградилъ насъ богатствомъ и другими жизненными благами, то при этомъ свѣтѣ они могутъ имѣть для насъ несравненно большее достоинство и давать намъ большее утѣшеніе, нежели самому страстному міролюбцу, потому что, по ученію Христа, посредствомъ благотворительности и богоугодныхъ дѣлъ мы можемъ пріобрѣсть на оныя сокровище *нетлѣнное, вѣчное на небесахъ*. Если мы бѣдны, терпимъ несчастіе, скорби, притѣсненія, то можемъ укрѣплять и утѣшать себя тою вѣрою, что значить Господу Іисусу Христу благоугодно было призвать насъ въ число своихъ *меньшихъ братьевъ*,—сдѣлать *соучастниками своихъ страданій*, чтобы потомъ раздѣлить съ нами свою вѣчную славу. „*Мы всегда благодумствуемъ*“, говорилъ Апостолъ Павелъ отъ себя и отъ лица близкихъ ему христіанъ. *Мы въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, но не отчаяваемся, насъ огорчаютъ, а мы всегда радуемся. Почему-же? Потому что временныя страданія производятъ въ безмѣрномъ избыткѣ вѣчную славу;—мы смотримъ не на видимое, но на невидимое, ибо видимое временно, невидимое же вѣчно* (11 Кор. IV, 8; 6; IV, 17, 18; Римл. IX, 17, 18; 11 Коринѣ. VI, 10; 11 Тимоѣ. 11, 12). Итакъ, вотъ какимъ миромъ я отъ всего сердца привѣтствую васъ, возлюбленные

братіе! Этотъ миръ не отъ міра сего и не отъ людей, но миръ, дарованный и даруемый Богомъ Отцемъ чрезъ Христа во Святомъ Духѣ. Сей Божій миръ, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваши и помышленія ваши во Христе Иисусе (Филип. IV. 7). Аминь.

НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ

изъ исторіи Устюжской градской Воскресенской
Обыденной церкви.

(Продолженіе).

Не описывая Воскресенской церкви на спольѣ г. Устюга, писцы XVII в. описываютъ нововыстроенную Воскресенскую церковь на торговой площади, недалеко отъ нынѣшнихъ Вознесенской и Іоанно-Богословской церквей. Вотъ относящееся сюда мѣсто писцовой книги Никиты Вышеславцева (1623 году): „На площади у торгу церковь Вознесеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа; на площади жъ у торгу противъ Спаскихъ воротъ церковь поставлена ново-Вознесеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа о 5 верхахъ, да въ предѣлѣ церковь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа образъ Нерукотворенной, а въ другомъ предѣлѣ церковь царевича Димитрія Моск. чуд., да теплая церковь Ивана Богослова да въ предѣлѣ жъ Никола чуд., да Иванъ Златоустъ, древяна клѣцки, а въ церкви образы и книги и свѣчи и ризы и сосуды церковные и колокола и всякое церковное строеніе мірское“. (Печат. Изд. стр. 9).

Что упоминаемая здѣсь площадь, на которой въ началѣ XVII в. находилась нововыстроенная Воскресенская церковь, не есть площадь нынѣшней Воскресенской церкви, объ этомъ со всею ясностію свидѣтельствуетъ прежде всего то, что нововыстроенная Воскресенская церковь писцовою книгою 1623 г. поставляется на одной площади съ Вознесенскою церковію и вблизи Іоанно-Богословской церкви, а затѣмъ писцовая книга

1676—83 г.г. описаніемъ положенія Воскресенской церкви (см. печатныя 58 и слѣд. стр.) не оставляетъ на этотъ разъ никакого сомнѣнія.

Къ концу XVI в. Воскресенскіе храмы на спольѣ огнили и развалились, такъ что требовалась новая постройка ихъ; въ началѣ XVII в. по писцовой книгѣ мы и встрѣчаемся съ нововыстроенною Воскресенскою церковію. Монастырю переданы были два храма—во имя Воскресенія Христа и во имя Нерукотвореннаго образа—и въ нововыстроенной Воскресенской церкви находимъ церковь во имя Воскресенія Христова и церковь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа образъ Нерукотворенный, съ тою лишь разницею, что на спольѣ это были двѣ отдѣльныя церкви, на площади же у торгу церковь во имя Нерукотвореннаго образа была придѣльнымъ храмомъ Воскресенской церкви и еще сюда присоединенъ былъ придѣльный же храмъ во имя царевича Димитрія Московскаго чудотворца. Такое замѣчательное соотвѣтствіе одной церкви съ другою можетъ навести на мысль о той или иной связи нововыстроенной Воскресенской церкви на торговой площади съ Воскресенскою церковію на спольѣ. Мысль эта можетъ поддерживаться еще и слѣдующимъ обстоятельствомъ. По писцовой книгѣ 1623—26 годовъ противъ той самой торговой площади, на которой поставлена была нововыстроенная Воскресенская церковь, находилась: „изба устюжскихъ посацкихъ земскихъ судей, старость и цѣловальниковъ и всѣхъ посацкихъ людей, схожая для земскихъ всякихъ дѣлъ“, кромѣ того на ту же самую площадь, по свидѣтельству писцовой книги, „сѣзжаютца волостные крестьяня и ставятца со всякими привозными товары“ (печат. изд. 9). Итакъ, нововыстроенная Воскресенская церковь воздвигнута была вблизи того мѣста, куда сходились и сѣзжались первоначальные строители обыденной Воскресенской церкви и дальнѣйшіе затѣмъ ея содержатели: посадскіе люди и уѣздные крестьяне.

Въ послѣдующей исторіи нововыстроенной Воскресенской церкви встрѣчаемъ еще черту сближающую эту церковь съ обыденною церковію.

По свидѣтельству Устюжскаго лѣтописца, „1634 г. Апрѣля 28 числа пожаръ былъ въ Устюгѣ Великомъ весьма великъ“. Во время этого пожара, между прочимъ, сгорѣла Устюжская Вознесенская церковь. „На мѣсто ея въ 1648 году гостинной сотни кунцомъ Никифоромъ Оедоровымъ Ревякинъмъ построена каменная, четырехрестольная, въ одной связи холодная и теплая церковь. На сей Вознесенской церкви въ верхнемъ этажѣ тогда же построена, вмѣсто сгорѣвшей въ томъ-же пожарѣ Нововоскресенской церкви, бывшей противъ Спасскихъ воротъ, холодная церковь во имя Воскресенія Христова съ тремя придѣлами: 1) во имя Спасителява Нерукотвореннаго образа, 2) Николая Чудотворца, 3) Св. Благовѣрнаго Царевича Димитрія Московскаго. Въ это время Вознесенская церковь вмѣщала въ себѣ два прихода. Въ верхнемъ этажѣ былъ Воскресенскій приходъ (нынѣшній Иоанно-Богословскій), при коемъ была и особая теплая деревянная церковь во имя Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, съ придѣльными храмами Андрея Первозваннаго и Іоанна Златуста, а въ нижнемъ этажѣ Вознесенскій“⁸⁾. Писцы 1676 г. застали нововыстроенную Воскресенскую церковь въ корпусѣ Вознесенской. Вотъ какъ они описываютъ Воскресенскую церковь: „у торгу на площади церковь каменная мѣстами съ вонную сторону разцвѣчена образцами на взмостѣ обѣ 11-ти главахъ, главы и кресты обиты бѣлымъ желѣзомъ; вверху церковь во имя Воскресенія Христова, да въ предѣлахъ служба Спасову образу Нерукотвореннаго, служба Николая чудотв., служба жъ Димитрія царевича.... да тогожъ Воскресенскаго приходу теплая церковь древяная во имя Іоанна Богослова... а та теплая церковь Іоанна Богослова строеніе мірскихъ посацкихъ и уѣздныхъ людей, а причетникомъ той церкви великаго государя по грамотѣ даютъ жалованья изъ мірскихъ

⁸⁾ Воскресенская церковь въ г. Устюгѣ прот. Арс. Попова. Вологод. Епарх. Вѣд. 1875 г. № 9, стр. 172—173.

сборныхъ ружныхъ денегъ попу по 10 руб., дьякону по 8 р., пономарю по 6 руб., трапезнику по 1¹/₂ руб. на годъ“ ... Итакъ, Иоанно-Богословская церковь принадлежала мірскимъ. посадскимъ и уѣзднымъ людямъ и состояла на денежной ругѣ посадскихъ и уѣздныхъ людей, по Иоанно-Богословская церковь принадлежала къ Воскресенскому приходу, была теплою церковію при Воскресенскомъ храмѣ, отсюда и указываемые писцами источники содержанія Богословской церкви относятся одинаковымъ образомъ и къ Воскресенской церкви. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве и встрѣчаемъ новую черту, сближающую обыденную Воскресенскую церковь на спольѣ города Устюга съ нововыстроенною Воскресенскою же церковію на торговой площади. По содержанію сихъ церквей какъ первая, такъ и вторая находились въ одномъ и томъ же отношеніи къ посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ.

Изъ того обстоятельства, что въ писцовой книгѣ 1623 г. относительно Воскресенской церкви замѣчено, что она „поставлена ново“, относительно же Иоанно-Богословской церкви подобнаго замѣчанія не сдѣлано, можно заключать, что послѣдняя церковь была древнѣе первой. Если же это такъ, то оказывается, что до передачи Воскресенскихъ храмовъ Устюжскому Михайло-Архангельскому монастырю, одновременно и на полномъ попеченіи посадскихъ людей города Устюга и волостныхъ крестьянъ Устюжскаго уѣзда были не одни Воскресенскіе храмы на спольѣ, но еще и Иоанно-Богословскій храмъ на торговой площади. Стоитъ ли въ прямой связи съ передачей Устюжскому Михайло-Архангельскому монастырю Воскресенскихъ храмовъ на спольѣ появленіе Воскресенскаго же храма съ придѣломъ во имя Нерукотвореннаго образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на торговой площади, т. е. потому ли былъ воздвигнутъ, (подразумѣваемъ, посадскими людьми и волостными крестьянами), послѣдній храмъ, что первые храмы переданы были въ другія руки, объ этомъ пока

сказать ничего не можемъ, но что Воскресенскій храмъ на торговой площади не замѣнилъ собою Воскресенскаго храма на спольѣ, т. е., что съ постройкою перваго не прекратилось существованіе втораго,—это несомнѣнно. Обыденный Воскресенскій храмъ, и послѣ передачи его Устюжскому Михайло-Архангельскому монастырю, продолжалъ свое существованіе на мѣстѣ первоначальной своей постройки, а затѣмъ, съ начала XVIII столѣтія, будучи замѣненъ каменнымъ храмомъ, онъ продолжаетъ свое существованіе и до настоящаго времени.

Въ 1705 г. Устюжскій Михайло-Архангельскій монастырь получилъ благословящую грамоту построить, взамѣнъ деревянной Воскресенской церкви, каменную церковь. Сія послѣдняя должна была вмѣстить въ себѣ и холодную и теплую церковь, при чемъ холодная церковь воздвигалась, какъ и древняя, въ честь Воскресенія Христова, теплая же не въ честь Нерукотвореннаго образа, а „во имя Пресвятыя Богородицы честнаго образа ея Тихвинскія“. Здѣсь не только замѣна деревяннаго корпуса церкви каменнымъ, но и новое посвященіе теплаго придѣла. По этому, конечно, и содержаніе благословящей грамоты въ описи формулируется такъ: „о постройкѣ вновь холодной каменной церкви... и о предѣлѣ тепломъ“..., изъ какой формулировки можно заключить, что монастырь испрашивалъ и вслѣдствіе этой просьбы монастыря грамотою давалось благословеніе не только на построеніе каменной церкви, но еще и нарочитое благословеніе на замѣну древняго наименованія теплой церкви новымъ. Михайло-Архангельскій монастырь, переименовавъ теплый придѣлъ Воскресенской церкви, воздвигалъ такимъ образомъ третій храмъ во имя Пресвятыя Богородицы (два храма были воздвигнуты ранѣе того въ стѣнахъ монастыря: а) во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы и б) во имя Владимірскія иконы Пресвятыя Богородицы).

Какъ долго производилась постройка каменной Воскресенской церкви, на это отвѣчаетъ намъ слѣдующая надпись,

сохранившаяся на сѣверной стѣнѣ нынѣшняго холоднаго храма: „Построена церковь сія святая во имя Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа въ лѣто шестаго на десять году, а стѣннымъ писаніемъ украшена 1755 году, тшаніемъ и радѣніемъ пономаря Петра Паюсова по родителемъ своимъ, а писали живописецъ Стефанъ Красильниковъ да Иванъ Скрипинъ“. ⁹⁾ Слова надписи „въ лѣто шестаго на десять году“ о. протоіерей Арсеній Поповъ совершенно правдоподобно читаетъ такъ именно: въ 7216 году, каковый годъ при переводѣ на нынѣшнее счисленіе равняется 1708 году. Итакъ, каменная Воскресенская церковь, начатая постройкою послѣ Іюля 1705 г. окончена была въ 1708 году, слѣдовательно, была построена въ три года. Днемъ освященія этой церкви у о. протоіерей Арсенія Попова показано 18 Іюня 1710 г., но на чемъ основано это свѣдѣніе у него, не обозначено.

(Продолженіе впереди).

Содержаніе:

1) Слово о мирѣ.—2) Нѣсколько свѣдѣній изъ исторіи Устюжской градской Воскресенской Обыденной церкви (прод.). В. Шляпина.

Редакторъ Н. Суворовъ.

⁹⁾ Волог. Вѣстк. Вѣдом. 1839 г. № 20, стр. 353.

Дозволено цензурою. Октября 14 дня 1891 года. Вологда.
Въ типографіи Губернскаго Правленія.